

БАЛКАНСКИЕ ВОЙНЫ: НА ПУТИ К ПЕРВОЙ МИРОВОЙ

DOI 10.31168/2619-0869.2018.1.5.1

Н. С. Гусев

Хотели ли русские войны из австро-сербского конфликта в 1912 году?*

В 2018 г. исполнилось сто лет с окончания Первой мировой войны, изменившей карту Европы. Но начаться она могла и раньше 1914 г.: в 1912 г. по схожему поводу — давлению Австро-Венгрии на Сербию, на защиту которой встала Россия. Отличий между ситуациями можно насчитать множество, но прежде всего они касаются дипломатической позиции остальных великих держав и настроений русского общества...

Осенью 1912 г. началась Первая балканская война: Болгария, Сербия, Греция и Черногория совместно выступили против Османской империи. Сделали они это наперекор «европейскому концерту», готовившемуся к войне, но еще не готовому. Угрозы не допустить изменения status quo не остановили союзников. Великие державы вскоре смирились с тем, что Турция будет отброшена к Константинополю с небольшим хинтерландом и согласились на передел Балкан, всячески от него дистанцируясь. Сербия рассчитывала разделить побережье Адриатического моря с Грецией, тем самым получить самостоятельный выход к морю и избавиться от зависимости от северной соседки, но в Австро-Венгрии вынашивали свои планы проникновения на полуостров, и Вена настойчиво выступила за создание независимого ал-

* Публикация подготовлена при финансовой поддержке РФФИ в рамках проекта № 18-59-18002 Болг_a.

банского государства в границах, ставящих крест на проектах Белграда.

Сербия обратила свои взоры на Россию, которая могла бы встать на защиту ее притязаний и поддержать в противостоянии с Австро-Венгрией. В Петербург отправились сербские эмиссары, в прессе и на публичных собраниях настаивавшие на терминальной необходимости получения их родиной выхода к Адриатике.

Выступления официальных австро-венгерских лиц усугубляли напряжение в Европе, по Дунаю барражировали корабли и недвусмысленно высвечивали прожекторами правительственные здания в Белграде. В России все это вызывало тревогу, и правительство начало подготовку к войне. При этом в самом кабинете произошел раскол: не согласовав свою позицию с премьером и главой МИД, военный министр стал настраивать императора на вооруженное вмешательство. Под давлением С.Д. Сазонова и В.Н. Коковцова мобилизация в приграничных округах была отложена, ограничились лишь выделением дополнительных средств военному министерству и задержкой увольнения в запас отслуживших свой срок. Параллельно власти стали выяснять настроения общества относительно возможной войны¹. И здесь картины однозначной не получалось.

Военные (как офицеры, так и солдаты) по всей стране находились под влиянием и идеологического воздействия, и жажды самореализации, потому желали войны. В регионах на нее смотрели скорее отрицательно, понимая, что она будет стоить немалых людских и экономических жертв, опасались, что вновь, как и в 1904 г., страна окажется не готова к противостоянию. Но в целом интереса проявляли мало, особенно в Сибири. В крестьянской среде он вовсе отсутствовал; войны боялась и буржуазия, которая мечтала о пресловутых 20 годах покоя внутреннего и внешнего, но ее голос был не слышен.

Иные настроения царили в столицах, прежде всего, в среде интеллигенции и политиков, поскольку читающая публика так или иначе была вовлечена в перипетии внешней политики. Предчувствие войны зафиксировано в дневниках

и письмах современников, для М. Горького это даже стало поводом для шуток. Правая часть политического спектра и ряд октябристов настаивали на войне, правда, радикальные националисты выступали против, поскольку в данном случае во главу угла ставились не российские интересы. Кадеты демонстрировали более взвешенное и глубокое понимание ситуации, они учитывали интересы Сербии, сочувствовали ей. Но и среди них не было единства: одни члены партии считали возможным распространить сочувствие вплоть до вооруженного вмешательства, другие же — настаивали на примате интересов России, а их они видели в обладании проливами, война же с Австро-Венгрией из-за Сербии не могла решить эту проблему. Но, поддаваясь общим настроениям, и либералы постепенно переходили на воинственные позиции. Левые партии надеялись, что война создаст революционную ситуацию, этим же хотели воспользоваться сепаратистские организации поляков и прибалтов. Доходило до того, что редакторы популярных газет, боясь потерять читателей, отказывались печатать антивоенные статьи. Как отмечает российский историк Е.Г. Кострикова, «слово “война” легко произносилось на “патриотических” манифестациях, мелькало на страницах газет», и для части общества была перейдена черта, за которой война не воспринималась со всей опасностью².

Чем же руководствовались сторонники войны? В первую очередь соображениями престижа. Столичные умеренные круги считали войну допустимой лишь в случае вооруженного выступления Австро-Венгрии или «оскорбления достоинства России», а в чиновничьих кругах и вовсе видели в ней возможность укрепить патриотические настроения сограждан. Редко кто заявлял о необходимости защитить Сербию, она являлась лишь поводом для спора Вены и Петербурга, могущего перерасти в боевые действия, но начинать их из-за порта на Адриатике никто не хотел, этот повод даже называли нелепым. Как ни старались сербские эмиссары донести до русского общества жизненную необходимость выхода к морю, абсурдность создания албанского государства,

основным мотивом для милитаристски настроенных оставались интересы и престиж России. Время славянофильских заявлений и объявления войн в защиту славян прошло, к тому же в данном случае не стояло вопроса о жизни и смерти народа.

Суммируя вышесказанное, можно сказать, что в 1912 г. русское общество оказалось перед дилеммой «мир» или «престиж», и основная масса населения выбирала первое, второе же являлось бóльшей ценностью для интеллигентских и политически ангажированных кругов, которые в итоге и определяли вектор развития настроений публики.

В конечном итоге, поняв опасность ситуации, не получив от союзников твердых заверений в полной поддержке, российская дипломатия согласилась на создание Албании. Это не могло предотвратить новую войну, поскольку причина конфликта не была решена каким-либо способом: из европейского погреба не убрали пороховые бочки, а лишь погасили фитиль. Однако начавшаяся в прессе в 1912 г. антиавстрийская истерия³ воздействовала на русское общество, все более и более настраивавшееся на войну с «немцем». Это вместе с тем, что летом 1914 г. требования Австро-Венгрии будут угрожать не экономическому процветанию Сербии, а самому ее существованию и объясняет разницу в отношении народа к войне в 1912 и 1914 гг.

Примечания

¹ Итоговый доклад, представленный императору см.: *Гусев Н.С.* «...Какие вообще высказываются соображения по вопросу желательности вмешательства России в славянский вопрос»: доклад Департамента полиции об отношении населения России к возможности общеевропейской войны в 1912 г. // *Славянский альманах*. М., 2017. Вып. 1–2. С. 426–439.

² *Кострикова Е.Г.* Российское общество и внешняя политика накануне Первой мировой войны. 1908–1914. М., 2007. С. 398–399.

³ Об этом см.: *Котов Б.С.* Образы Германии и Австро-Венгрии в российской прессе накануне Первой мировой войны. 1912–1914 гг. (по материалам либеральной и консервативной печати): дис. ... канд. ист. наук: 07.00.03 / Котов Борис Сергеевич. М., 2014. С. 106–273.